

Ковригин Вадим Валерьевич,

Липецкий государственный педагогический университет

**КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 50-Х
– ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 80-Х ГГ.**

Любые исторические исследования имеют важную особенность: результаты научной работы в немалой степени зависят от методологических установок, общественно-политических взглядов исследователя. Кроме влияния мировоззренческого фактора на непосредственные результаты исследований, появлению коннотаций в анализе исторического материала способствует также отсутствие признанной всеми исследователями аксиоматической базы, понимаемой как совокупность аксиом и следующих за ним дедуктивных выводов. Этим и объясняются значительные расхождения в трактовках одних и тех же исторических явлений разными научными школами. Как отмечает В. К. Хвостова, в отличие от естественных наук, допускающих плюрализм гипотез, в истории наряду с этим распространен также и плюрализм оценок и выводов, связанный с влиянием мировоззрения и философских учений, в свою очередь характеризующихся плюрализмом.¹

Отсутствие унификации исторических концепций не следует рассматривать как негативное явление. Стремление максимально объективировать исторические исследования, исключить субъективизм ученого может привести к потере историей самой сущности науки – объяснения фактов, установления закономерностей и законов как цели исторических исследований. С другой стороны, научные дискуссии и споры по какой-либо проблеме чаще всего являются катализатором развития науки.

Однако часто научные споры обретают форму идеологического противостояния между разными национальными научными школами. В этом случае чаще всего противоборство научных школ приводит к негативным последствиям: закрытости и предвзятости в отношении оппонентов, деструктивной критике и преднамеренному искажению исторических фактов. Указанные издержки жесткого идеологического противостояния были характерны для советской и зарубежной историографии эпохи холодной войны. С распадом одной из сверхдержав и окончанием эпохи идеологического противоборства появилась возможность продуктивного диалога западной и отечественной историографии. Однако и сегодня между научными школами разных стран не преодолены разногласия в трактовках многих исторических событий. До сих пор в западной историографии существует определенная «боязнь России». С другой стороны, отечественная историческая наука пока не может разработать системный методологический подход к изучению целого пласта источников, ставших доступными российским

исследователям после падения «железного занавеса» и возможности анализа трудов зарубежных ученых. Изучение сущностных вопросов идеологического противоборства западной и советской историографии может иметь важнейшее значение для преодоления негативных последствий «войны» отечественных и зарубежных научных школ.

Большое число разногласий отечественных и западных историков эпохи холодной войны связано с изучением Второй мировой войны, круто изменившей весь дальнейший ход исторического процесса. В настоящей работе рассматриваются трактовки ключевых проблем истории 1939 – 1945 гг., составлявших основное поле исследования как в советской, так и в зарубежной исторической науке: проблема ответственности за развязывание войны, роль СССР и государств антигитлеровской коалиции в войне и их вклад в победу, проблема сущности противостояния в войне.

В зарубежной историографии эпохи идеологического противоборства СССР и США большой популярностью пользовалась концепция ответственности Советского Союза за развязывание войны. Эта концепция зародилась еще в немецких работах, изданных еще до окончания войны. В конце 40-х – начале 50-х гг. концепция ответственности СССР за начало войны находит все большую поддержку также и среди американских и английских исследователей. Один из аргументов в пользу данной концепции, широко использовавшийся в зарубежной историографии – тезис о превентивном характере нападения Германии на СССР. По мнению сторонников тезиса о превентивной войне, Сталин готовился к нападению на Германию и другие страны первым. Гитлеровские войска напали на СССР для ликвидации угрозы, которую якобы представляла советская Армия для немецкого государства. Эта концепция в значительной степени оправдывала предвоенную политику Германии и вторжение гитлеровских войск на территорию Советского Союза.

Как отмечает А. С. Якушевский, популярность тезиса о превентивной войне Германии против СССР в науке резко упала после публикации в конце 50-х гг. немецких архивных материалов, иллюстрирующих тайную подготовку нацистской Германии к войне². Опубликованные материалы министра финансов Л. Шверина Крозигка, немецкого посла в Москве В. Шуленбурга, военного атташе Э. Кестринга и другие документы стали причиной пересмотра многих концептуальных положений войны в некоторых зарубежных научных школах³. Однако через десятилетие популярность тезиса о превентивных военных действиях немецкой армии против Советского Союза вновь возрождается и набирает популярность в зарубежной науке: его поддерживают известные историки Н. Бруггер, У. Валенди, П. Крюгер, Ф. Фабри, Г. Хертле в Германии, в США – Н. Бетелл, Э. Зимке, Л. Лефор, Н. Рич, Д. Хогган, в Англии – Х. Коч.⁴

В 1971 г. в Германии большим тиражом издается книга Г. Хертле с характерным названием «Военный долг победителей: Преступления

Черчилля, Рузвельта и Сталина на пути к достижению мира». Автор оправдывает нападение Германии на СССР угрозой «окружения» Германии: «...вокруг рейха снова замкнулось кольцо окружения... Гитлер был вынужден начать превентивную войну против развертывающийся Красной Армии».⁵ В 1977 г. в Англии издана книга Д. Ирвинга «Война Гитлера»⁶, годом позже в ФРГ выходит монография Э. Хельмдаха «Нападение?»⁷. Эти исследования посвящены рассмотрению проблемных вопросов начала войны. Авторы данных монографий рассматривают политику СССР в 1939 – 1941 гг. как экспансионистскую, а нападение Германии на Советский Союз как принятие вермахтом необходимых «мер предосторожности». Д. Ирвинг и Э. Хельмдах акцентируют свое внимание на тех мерах Советского правительства, которые способствовали повышению боеспособности Красной Армии. Увеличение финансирования военно-промышленных предприятий, работа над созданием новых видов вооружения и военной техники в СССР авторами рассматривается как подтверждение тезиса об агрессивных намерениях Советского государства в отношении Германии.

Еще один тезис в пользу концепции ответственности Советского Союза за начало войны, популярный преимущественно в английской и американской историографии, заключался в том, что предвоенная политика СССР рассматривалась как пролог к войне, в отличие от внешнеполитических действий Англии, США и Франции, направленных на умиротворение милитаристской Германии и предотвращение войны. В связи с этим интересна оценка западной историографией двух международных договоров предвоенного времени – Мюнхенского соглашения и пакта Молотова-Риббентропа.

Зарубежная историография практически единодушна в трактовке сущности советско-германского договора: пакт Молотова-Риббентропа свидетельствует о захватнических целях политики СССР и является прологом к войне. Наиболее радикальную позицию по вопросу сущности пакта о ненападении демонстрирует Ц. Вернер: «Вторая мировая война, - пишет он, - началась в ночь с 23 на 24 августа 1939 г. не чьим-либо выстрелом, а после того, как министры иностранных дел Гитлера и Сталина поставили свои подписи»⁸. По вопросу сущности и последствий заключения Мюнхенских соглашений западная историческая наука в эпоху холодной войны апеллировала к концепции политики умиротворения Германии. Большинство западных историков оценивают факт подписания соглашений как вынужденный – с целью не допустить начала войны, «умиротворить» Германию.

Другая важная проблема, которая была предметом рассмотрения во многих научных работах западных историков периода холодной войны – вопрос о сущности противостояния в войне. По этой проблеме можно выделить две основные позиции в зарубежной историографии – первая

предполагает рассмотрение войны как противостояние держав-союзников по антигитлеровской коалиции с фашистской Германией и ее союзниками. При этом фашизм рассматривается как идеология и общественный строй, противостоящий западным демократиям и советскому тоталитарному строю. Сторонниками этой концепции в 50 – первую половину 80-х гг. выступали М. Барч, А. Кун и др. При этом можно отметить, что данная концепция более популярна в Германии.

Другая точка зрения, преимущественно популярная в английской и американской исторической науке, состоит в том, что общественно-политический строй СССР в своих основных чертах отождествляется с немецким периода 1933 – 1945 гг. Одним из известных американских историков, выдвинувших данное концептуальное положение, является У. Лакер. В своей монографии, изданной в США в 1965 г., а затем переизданной в России в 1991 г., под характерным названием «Россия и Германия. Наставники Гитлера»⁹ он пытается доказать родство двух режимов – фашистского в Германии и тоталитарного в Советском Союзе. По сути, фашистский строй он сводит к тоталитаризму, при этом не подвергая анализу фашистские доктрины и идеи о превосходстве одной нации над другими.

Для многих западных историков характерно преувеличение роли второго фронта в войне. Подобное преувеличение довольно легко обнаружить в большинстве книг зарубежных авторов при расчете объема текстов, посвященных, с одной стороны, ходу войны на восточном фронте, а с другой – событиям на западном театре боевых действий. Г. Г. Самсоненко отмечает, что во многих научных трудах западных историков 50 – 80-х гг. акцент делается на успешных действиях вермахта, часто замалчиваются важнейшие битвы Великой Отечественной войны¹⁰. Некоторые современные зарубежные специалисты по историографии признают данный факт¹¹.

Преувеличение роли западного театра военных действий в зарубежной историографии второй половины 40-х – первой половине 80-х гг. выразилось не только в превалирующем внимании к событиям на западном фронте в научных трудах, но и также в прямых оценочных суждениях западных историков. Так, например, американский историк Э. Зимке в книге «От Сталинграда до Берлина» в 1968 г. заявил о том, что основным театром военных действий, определившим итог всей войны 1939 – 1945 гг., был западный фронт. Он аргументировал свою позицию тем, что роль Советского Союза ограничивалась действиями только на сухопутном театре. Ч. Макдоналд в книге «Тяжелое испытание» (Вашингтон, 1969) пишет о том, что «даже вклад в войне на суше с советской стороны не был настолько весомым, как это может показаться на первый взгляд»¹².

Советская историография Второй мировой войны в своих концептуальных положениях противостоит зарубежной исторической науке. Одной из основных функций советской исторической науки первого послевоенного десятилетия являлся критический анализ и опровержение «антисоветских» концепций западных исследователей. Ярким примером «разоблачительного» характера ранней советской историографии стало издание в 1948 г. исторической справки Совинформбюро «Фальсификаторы истории», которая нацеливала советских историков на «развертывание активной борьбы против буржуазных фальсификаторов, искажавших историческую правду о Второй мировой войне»¹³.

Документ «Фальсификаторы истории» называл основными виновниками развязывания мировой войны правительства Германии, Италии, Японии, Великобритании, Франции и США. Данное суждение противоречит концепции ответственности Советского Союза за начало войны, разработанную в западной историографии. Справка Совинформбюро на долгие годы стала идеологическим ориентиром в рассмотрении и изучении событий Второй мировой войны в советской науке.

В документе Совинформбюро обосновывается положение о военном противостоянии 1941 – 1945 гг. как противоборстве идеологий и общественно-политических систем (социализма и капитализма, перешедшего в империалистическую стадию). Данная концепция надолго осталась в работах позднейших отечественных историков и являлась своего рода призмой рассмотрения всей истории Второй мировой войны. Советская историография, выдвинувшая концепцию противоборства социализма и «загнивающего» капитализма в войне, в значительной степени отождествляла общественно-политический строй фашистской Германии и держав-союзников по антигитлеровской коалиции. Наиболее точно содержание этой концепции отразил участник войны, историк И. И. Минц, начавший свою исследовательскую работу в первые послевоенные годы: «Война, навязанная Советскому Союзу германским фашизмом, явилась самым крупным вооруженным выступлением ударных сил мирового империализма против социализма»¹⁴.

Выход справки «Фальсификаторы истории» оформил складывавшуюся в исторической науке концепцию определяющей роли Советского Союза в разгроме фашистских войск. СССР провозглашается единственным борцом за мир. При этом внимание историков направлено на вскрытие противоречий в политике держав-союзников по антигитлеровской коалиции. Определенная доля вины за развязывание войны перекладывается на правящие круги Великобритании, США, Франции. В обоснование выдвинутой концепции советские историки постоянно подчеркивали факт затягивания переговоров по открытию

второго фронта со стороны западных держав, целью которых было максимальное истощение военных сил Советского Союза.

Дальнейшее развитие советской историографии характеризуется концептуальным единством в освещении вышеупомянутых проблем. Ни один советский историк не подвергал сомнению концепцию определяющей роли СССР в разгроме фашизма, тезис об ответственности «империалистических держав» за начало войны и положение о противоборстве социализма и «загнивающего» капитализма в войне.

Рассмотрим некоторые наиболее референтные научные труды советских историков более позднего времени. В 1972 г. Академия наук СССР и Институт военной истории опубликовали сборник статей «Вторая мировая война и современность»¹⁵, в котором были напечатаны работы известных историков В. М. Хвостова, П. А. Жилина, М. Е. Мониной, И. Д. Остоя-Овсяного, Б. Г. Сапожникова, Г. А. Куманева и др. Основу данного сборника составили положения исторической справки «Фальсификаторы истории» 1946 г., дополненные некоторыми положениями. Основной тезис, проходящий красной нитью через всю книгу – определяющая роль Советского Союза в разгроме гитлеровской армии. Политика США и Англии показана противоречивой и непоследовательной. Правящие круги этих стран, как утверждали авторы книги, стремились повергнуть своих империалистических противников и занять их место в Европе и Азии, а также максимально ослабить войной Советский Союз и превратить его во второстепенную державу. История создания антигитлеровской коалиции и ее деятельность не нашли отражения в сборнике. Большое внимание авторы сборника акцентируют на проблеме открытия второго фронта, делая вывод о намеренном затягивании его открытия со стороны союзников с целью максимального ослабления Советского Союза. Анализу противоречий в политике западных держав и причинам срыва переговоров в Москве в 1939 г. посвящена работа М. Панкратовой и В. Силопса «Почему не удалось предотвратить войну? Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 г»¹⁶. Создатели книги полностью возлагают вину за неудачный результат переговоров на правительства Англии и Франции.

Подобная концепция Второй мировой войны отражена в книге И. Д. Овсяного, вышедшей в 1971 г.¹⁷ На основе подборки документов автор рассматривает политику империалистических держав, которая, по его мнению, привела ко Второй мировой войне, несмотря на все усилия Советского Союза, направленные на сохранение мира и предотвращение войны. И. Д. Овсяный не исследует в книге историю советско-германских переговоров, завершившихся подписанием пакта о ненападении. Противопоставление целей политики западных держав (прежде всего государств антигитлеровской коалиции) и Советского Союза было характерно для всей историографии советской эпохи, однако особое место данная идея заняла в науке середины 60 – 70 гг. Ярким примером идеи

противоречивости политики западных держав и советского руководства была оценка Мюнхенских соглашений и пакта Молотова-Риббентропа. И здесь позиции советских и зарубежных историков полярны. Так, например, анализируя сущность договора, заключенного между западными державами в 1938 г. в Мюнхене, В. М. Хвостов писал: «Мюнхенское соглашение ... навсегда вошло в историю как символ предательства народа и незаконной сделки с грабителями»¹⁸. Однако в большинстве случаев советские историки либо вообще не анализируют сущность договора о ненападении между СССР и Германией, либо оценивают факт его подписания как вынужденный: СССР оказался в сложном международном положении и поэтому необходимо было максимально оттянуть начало войны.

Таким образом, зарубежная и советская историография в эпоху холодной войны находились в жесткой оппозиции друг к другу. Это выразилось в противоречиях концепций советской науки и западных научных школ. По вопросу ответственности за развязывание войны советская историография на основе справки «Фальсификаторы истории» называла виновниками начала войны правящие круги Германии, США, Великобритании и Франции. Многие представители западной исторической науки значительную долю ответственности возлагала на СССР. Полярны также оценки пакта о ненападении 23 августа 1939 г. и Мюнхенских соглашений. Ведущие западные ученые заключение пакта Молотова-Риббентропа называли прологом к войне, советская наука интерпретировала Мюнхенские соглашения как «прелюдию к войне». Неоднозначна оценка роли советско-германского и второго фронта. Западная историография определяет ключевые события на западном театре военных действий, советская историография называет основным восточный фронт. Соответственно, неодинаково оценивается вклад СССР, с одной стороны, и западных держав-союзников, с другой.

- ¹ Хвостова В. К. История: проблемы познания // Вопросы философии. – 1997. - №4. – С. 65
- ² Якушевский А. С. Западная историография Великой Отечественной войны Советского Союза: этапы и основные концепции (1941 – 1991): дисс. в форме научного доклада... докт. ист. наук. – М., 1997. – С. 27
- ³ Мерцалов А. Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ / Отв. ред. В. И. Дашичев. - М.: Наука, 1989. – С. 122
- ⁴ Идеологическая борьба по основным проблемам истории Второй мировой войны (критика буржуазной историографии): Научно-аналитический обзор. – М.: АН СССР, 1986. – С. 20
- ⁵ Härtle H. Die Kriegsschuld der Sieger: Churchills, Roosevelts u. Stalin Verbrechen gegen d. Weltfrieden. – Allendorf, 1971. – S. 232
- ⁶ Irving D. Hitler's war. – N. Y., 1977
- ⁷ Helmdach E. Überfall? Der sow. – dt. Aufmarsch 1941. – Neckargemund, 1978
- ⁸ Цит. по: Мерцалов А. Н. Великая Отечественная война в историографии ФРГ – с. 76
- ⁹ Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. – М.: Наука, 1991
- ¹⁰ Самсоненко Г. Г. Отечественная и немецкая историография о роли СССР в победе над Германией в годы Второй мировой войны (1941 – 1945гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – СПб., 2002. – С. 11
- ¹¹ Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований: [Сб. ст.] / Под ред. В. Михалки; Пер. с нем. Захарченко Н. А. и др.; Предисл. В. Рана. — М.: Весь мир, 1997. — С. 513
- ¹² Цит. по: Якушевский А. С. Западная историография Великой Отечественной войны Советского Союза: этапы и основные концепции (1941 – 1991) – С. 35
- ¹³ Цит. по: Мутовкин И. С., Селяничев А. К. Великая Отечественная война в советской историографии // Очерки по историографии советского общества: Сб. ст. / Под ред. М. Е. Найденова, С. Ф. Найды, Л. М. Панина. – М.: Издательство Московского университета, 1967. – С. 183
- ¹⁴ Историография истории СССР (эпоха социализма): Учебник / Под ред. И. И. Минца. – М.: Высш. школа, 1982. – С. 119
- ¹⁵ Вторая мировая война и современность: Сб. ст. – М.: АН СССР, 1972
- ¹⁶ Панкратова М., Силопс В. Я. Почему не удалось предотвратить войну? Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 г. – М., 1970
- ¹⁷ Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась (как империалисты подготовили и развязали Вторую мировую войну). – М.: Издательство политической литературы, 1971
- ¹⁸ Хвостов В. М., Грылев А. Н. Накануне Великой Отечественной войны // Коммунист. – 1968. - № 12. – С. 66